

«Се, чадо, Христос НЕВИДИМО СТОИТ...»

Беседа о Таинстве исповеди

40

Для русского человека характерно очень внимательное и благоговейное отношение к священнослужителю. Мало кто обращает внимание на то, какой священник служит: молодой или старый, образованный или не очень — народ особо не придает этому значения. Но в отношении исповеди наш народ очень разборчив и не к любому священнику пойдет, потому что здесь проявляется опыт, знания, сердечность, духовность, молитвенность священнослужителя. Преподобный Пимен Великий советует: «Не открывай совести твоей тому, к кому не расположено сердце твое». Поэтому один из самых сложных вопросов, с которым придется столкнуться священнику после хиротонии — вопрос, связанный с исповедью. Поговорим о некоторых практических моментах совершения этого Таинства.

Многие из выпускников Семинарии или Академии окажутся на больших приходах, где,

особенно Великим постом, столкнутся с огромным количеством людей, желающих исповедаться. Здесь необходимо избегать ситуаций, когда Таинство ограничивается лишь общей исповедью и прочтением над каждым разрешительной молитвы — в результате многие люди подходят к исповеди и Причастию, не понимая их и не подготовившись должным образом. Необходимо правильно настраивать людей на исповедь и внимательно подходить к каждому исповеднику.

Конечно, огромную роль играет общая исповедь и проповедь перед ней, в которой объясняется, что такое Причастие, для чего мы сейчас собрались, кратко перечисляются основные грехи и объясняется, кто может причащаться, кто не может, как нужно готовиться. После общей исповеди каждый исповедуется лично у священника.

У нас на приходе перед началом исповеди мы задаем такой вопрос: «Кто не знает, как

исповедоваться?» Поднимается море рук. Для этих людей у нас заготовлена памятка о том, как готовиться к Причастию, она отпечатана в большом количестве и ее можно взять за свечным ящиком. Кроме того, у священника могут быть помощники: члены молодежной общины (как это организовано у нас) или просто постоянные прихожане, которые могут ответить на простые вопросы по подготовке к Причастию. Тем, кто готовится к исповеди, можно посоветовать книгу архимандрита Иоанна (Крестьянкина) «Опыт построения исповеди» или святителя Игнатия (Брянчанинова) «О восьми главных страстях и о восьми главных добродетелях». Эти книги всегда должны быть за свечным ящиком.

Исповедь, особенно при большом стечении народа, нужно начинать заранее. У нас на приходе она начинается за полчаса до всенощного бдения. Если приход большой, то постоянных прихожан можно исповедовать даже в пятницу вечером и в субботу утром, чтобы они имели возможность причаститься в воскресенье. Это выходные дни, и люди смогут без лишней спешки подготовиться к принятию Святых Даров.

Исповедь надо начинать с детей. Вслед за ними надо пытаться пропустить постоянных прихожан. Тех, кто пришел в первый раз, нужно стараться оставлять напоследок, чтобы по возможности уделить им больше внимания, задать хотя бы несколько вопросов: «Когда Вы последний раз исповедовались? Когда последний раз причащались?» Сразу становится ясно, церковный ли человек стоит перед вами. Иногда происходят и такие курьезы:

- Как готовились? Что читали?
- Все читала.
- Как все читали?
- Да весь молитвослов читала.
(Открываем молитвослов)
- Утренние, вечерние молитвы читали?
- Читала.
- Канон ко Святому Причащению читали?
- Читала.
- Канон на исход души читали?
- Читала.
- ?!

Если видно, что на данный момент человек к Причастию не готов, то лучше посоветовать подготовиться еще и прийти через неделю. «Вам как нужно: быстро или хорошо? Хорошо? Когда быстро — хорошо не бывает, а пока Вы

к Причастию не готовы, давайте в следующее воскресенье к этому вопросу вернемся».

С теми, кто пришел в первый раз, особенно нужно избегать формальности и равнодушия, от которых сейчас страдает вся Церковь. Надо позволить им сначала самим высказать все, что тяготит их совесть. У многих найдется, что сказать, у многих — нет. Впрочем, исповедь должна быть совершенно конкретной, недопустимы разговоры издалека: «Я вот живу в таких условиях...» — особенно это неуместно в праздничные дни, при большом стечении людей. Надо учить людей исповедоваться, надо через наводящие вопросы помочь им разбудить покаянное чувство, но и нельзя быть резким, не следует останавливать исповедника: многие ведь только тут могут поплакаться о своей беспросветной жизни. Также надо учитывать, что зачастую происходит подмена исповеди житейскими разговорами, хвастаньем собой, жалобами — конечно, это все от греховной запущенности, малодушия, искаженности представления об истинных ценностях.

Следует обращать внимание и на то, что есть разные типы людей. Некоторые будут подходить, перечислять грехи, но совершенно бесчувственно. Причастие воспринимается ими как некое лекарство, как таблетка в сложных обстоятельствах. Приходят они не в поисках Бога и спасения, а по чьему-то совету, часто даже по совету знахарки или экстрасенса, воспринимая Причастие как одно из многочисленных лекарственных средств. Поэтому важно спросить человека, что привело его в храм.

- Вы Евангелие хотя бы раз в жизни читали?
- Не читал.
- Давайте с этого и начнем.

Посоветовать почитать для начала Евангелие от Марка, самое краткое. Походить эти дни в церковь, хотя бы на воскресные службы. То есть самое главное — подвигнуть человека к церковности, потому что само действие молитвы, богослужения, слышание Слова Божия помогает человеку.

Сейчас под влиянием аскетической литературы у многих прихожан появляется тяга к духовной жизни. Если в XIX веке преподобный Серафим Саровский и святитель Феофан Затворник писали своим духовным чадам, что хорошо бы исповедоваться и причащаться хотя бы каждый пост, то сегодняшние прихо-

жане готовы приступать к Святым Тайнам каждые две-три недели, жить чуть ли не по монастырскому уставу. В этом стремлении к благочестию надо помогать им, надо самим быть готовыми.

Бывает, что люди из раза в раз, приходя на исповедь, называют одни и те же грехи. И здесь встречаются две крайности. Некоторые, занимаясь излишним самоанализом, впадают в мнительность или уныние, отчаиваются в возможности спасения. Происходит это потому, что человек думает, будто походив в храм месяц, год, он может полностью избавиться от гордости, вражды, гнева, тщеславия, недоброжелательности, но видя, что буксует, топчется на месте — приходит в отчаяние. И в такой момент важно человека поддержать и объяснить: «А что ты хотел? Мы же руки пачкаем? Пачкаем. А как мы их моем? По несколько раз в день».

Нужно почаще напоминать следующую историю из древнего патерика. К старцу пришел ученик и говорит:

- Авва, я пал.
- Встань и иди.
- Авва, я опять пал.
- Встань и опять иди.
- Авва, я опять пал!
- Снова встань и иди.
- До каких же пор?!
- До самой смерти. Потому что никогда не падать свойственно только ангелам, падать и вставать — людям, а, падши, никогда не вставать свойственно одним бесам. И мы будем осуждены не за то, что мы пали, а за то, что, упав, не встали. Сам Господь говорит: *«Разве, упав, не встают и, обратившись с дороги, не возвращаются?»* (Иер. 8:4)

Другие драматизируют ситуацию, «зацикливаясь» на «повседневных», как мы их называем, грехах. Надо надеяться на исправление и стараться от исповеди к исповеди становиться лучше, а при исповеди постоянных прихожан постараться уходить от этого бесконечного самоанализа.

Митрополит Питирим (Нечаев) говорил, что для постоянных прихожан лучше, чтобы на исповеди они рассказали о какой-то одной своей страсти, например, о гордыне или о гневе, но при этом рассказали подробно: какие проявления, чем вызывается. Если у человека нет желания, решимости оставить грех — тогда и разрешительная молитва не читается.

Конечно, мы не должны идеализировать, он может дать обещание и снова согрешить, но он будет понимать, что обещание давал Богу. Помня об обете, человек сможет постепенно избавиться от этого греха.

Самое сложное — исповедовать людей нервных и психически нездоровых. Здесь необходимо иметь сочувствие, просто выслушивать их. Таких людей можно определить по попыткам чрезвычайно тщательно исповедоваться, чуть ли не генеральную исповедь проводить из раза в раз. Если нормальному человеку мы советуем некоторую аскезу — пост, молитву, чтение Священного Писания, — то людям душевнобольным, «замоленным», наоборот, необходимо ослабление подвигов. Во всем должна быть «золотая середина», как и преподобный Макарий Оптинский учит: «Крайности — от бесов».

Нормальное состояние человека, как сказано в Писании, — *«сердцу веселящемуся, лице цветет»* (Притч. 15:13). Это когда на сердце тихая радость, а лицо «сияет умными лучами этой духовной радости». Христианин по своей природе оптимист, у него совсем особый взгляд на происходящие события. Есть такое стихотворение:

- В одно окно смотрели двое.
- Один увидел дождь и грязь.
- Другой — листвы зеленой вязь,
- Цветы и небо голубое.
- В одно окно смотрели двое...

Преподобный Нил Сорский высказывает мысль о том, что «понуждение сверх сил приносит душе помрачение за помрачением». Вот так же и этим «замоленным» людям, пессимистам, необходима духовная поддержка священника. Нужно стараться бесконечное число чтений акафистов и кафизм ограничить утренним и вечерним правилом, главой Евангелия. Ослабление поста, подкрепление пищей и увеличение сна может нормализовать положение. Потому что чрезмерное увлечение аскезой может слабого человека привести к духовному срыву — нередко мы это наблюдаем Великим постом.

Про первые великопостные дни в Типиконе встречаем такие слова: «Святые же горы Типик в первый убо день отнюдь не повелевает ясти. Могущие же пребудут постящися до пятка». Когда я жил в Троице-Сергиевой Лавре, со мной был такой случай. Заканчивается первый день Великого поста, я, молодой

и ревностный монах, подхожу к архимандриту Кириллу (Павлову), духовнику Лавры: «Батюшка, благословите в трапезную не пойти». А он в ответ: «Благословляю в трапезную пойти». И смотрю, что в трапезную идет сам отец Кирилл, с ним отец Наум и другие почтенные отцы. То есть лучше поесть и смириться, чем не поесть и считать себя за нечто великое.

Чтобы исповедь носила конкретный характер, исповедникам можно записывать свои грехи. Оптинский старец Макарий советует: «В случае смущения и забвения грехов своих можно, идя к Таинству, записать оные для памяти и при забвении, с позволения духовника, посмотреть в записку и объяснить ему».

Многие старцы и современные духовники придерживаются мнения, что, поскольку исповедь ограничена по времени, то людям необходимо готовиться к ней заранее: в течение недели кратко записывать свои грехи. Случается, люди подходят к аналою и от страха все забывают, как на экзаменах, в таком случае пусть лучше пользуются «шпаргалками».

Обычно, когда наши прихожане приходят с таким «исповедальным листком», священник по возможности его быстро просматривает, а исповедующийся в это время может рассказать подробнее о том, что его совесть более всего беспокоит. То есть, с одной стороны, человек всю неделю осознанно готовится к исповеди, а с другой, остановив внимание на одном каком-то грехе, и уже к нему не возвращаясь, он не будет останавливаться в духовном росте. Таким образом, от исповеди к исповеди будет вестись духовная работа. Люди не должны подходить как болванчики: «делом, словом, помышлением...» Одна девочка написала: «Не слушалась родителей, разбрасывала вещи, обижала кошку... но кошки у меня нет».

— Как же ты ее обижала, если у тебя кошки нет?

— А я у Таньки списала.

Есть еще небольшие практические вопросы, которые молодым священникам необходимо знать. Часто у людей бывает естественное смущение в исповедании каких-то грехов. В этом случае можно накрывать исповедующегося епитрахилью, чтобы ни ты не видел человека, ни он не видел тебя. Это создает психологическую завесу, покров, вдобавок сама епитрахиль — освященный предмет. Когда сзади стоит несколько десятков людей, появ-

ляется страх, что они как-то услышат. Нужно предложить говорить тихонечко, на ухо. Если не получается «раскачать» человека, можно вместе с ним помолиться, предложить ему прочитать молитву «Отче наш» — и в результате совместной молитвы он потихонечку оживает, сердце его смягчается, усиливается покаяние и он может уже исповедать те грехи, которые мучают его совесть.

Перед исповедью можно сказать: «Вы знаете, мы за это время столько наслышались, столько навидались, что ничем нас уже не удивишь, поэтому кайтесь спокойно и помните, что это, может быть, ваша последняя исповедь».

Еще можно напомнить, что если человек идет на исповедь, но сознательно утаивает какой-то один грех, то все остальное, что он говорит, почти не имеет значения. Лучше, если бы он рассказал только об этом одном, тяготящем его душу грехе.

И самое главное, как бы священнику ни было тяжело, какое бы у него ни было самочувствие и давление, он должен встретить человека с улыбкой, особенно пришедшего в первый раз, начать с простого вопроса: «Как тебя зовут? Танька? Ну, иди сюда, не бойся». То есть постараться приветливым словом, шуткой сбить этот естественный накал, напряжение.

Священнику важно перед совершением исповеди помолиться и о самом себе, чтобы Господь помог сказать нужные слова, поддержать, утешить человека. Нужна предельная внимательность, всегда необходимо держать себя в руках, чтобы не проявилась усталость, негодование или раздражительность в случае, если люди не будут понимать каких-то простых вещей.

Когда на исповеди иерей выслушивает и читает все, с чем приходят люди, ему в то же время очень важно про себя произносить пятисловную Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», или просто: «Господи, помилуй», чтобы никакие впечатления ни в уме, ни в сердце не оставались. Священник после исповеди должен «забывать», что было сказано, кем было сказано, чтобы к человеку оставалось такое же расположение, какое было, когда он ничего не знал. Чтобы не было в мыслях: «А я и не знал, что ты такой». Пастырь на исповеди только свидетель. Он перед Таинством исповеди говорит следующие слова: «Аз же точно свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся, елика речеши мне».

О тайне исповеди святитель Феофан Затворник говорит: «А вам, духовникам, надо бы рядом с аналоем положить нож острый-преострый, чтобы за открытие исповеди язык вам отрезать, потому что многие из-за этого отгоняются от исповеди». Но тайна должна быть обоюдной. Это надо объяснять прихожанам в беседах. На один и тот же вопрос разным людям священник может дать совершенно разные ответы. Например, одну, плакавшую и сокрушавшуюся, допустить до Причастия, а другую из-за ее бесчувствия («обстоятельства так сложились») — отстранить. От разглашения тайны могут рождаться и зависть, и интриги, и соперничество, совершенно недопустимые в приходской общине. Чтобы избежать этого, сам исповедающийся должен быть предельно внимателен к себе, к своему внутреннему миру, не пересказывать сказанного ему на исповеди.

Умение исповедоваться и исповедовать — результат долгих трудов и упорной работы над собой. Духовное окормление прихожан — одна из самых важных сторон пастырского служения. Нисколько не преувеличивая, духовничество можно назвать наукой из наук. И как всякая наука, оно требует определенного опыта, приобретение которого — первоочередная задача пастыря. Чтобы научиться

чувствовать человеческую душу, пастырь должен сам вести духовную жизнь, насколько возможно чаще приступать к Таинству покаяния, регулярно служить Литургию и причащаться Святых Таин. Не менее важно изучение святоотеческого наследия — для усвоения многовекового опыта православного пастырства. И наконец, необходимо понимать, что в подлинном смысле духовником может быть только тот, кто избран Богом и поставлен Им на это место. Священнику нужно чувствовать эту большую ответственность. Непозволительно гордое представление о возможности решать судьбы других людей. Духовничество в первую очередь — полное самоотвержение, а не присвоение себе чести, славы или мудрости. Священник — не вершитель суда Божия, а только свидетель перед Ним, и это всегда полезно помнить.

Существует повествование об одном подвижнике, которого как-то спросили:

— Каким это образом бывает, что каждый человек, который к тебе приходит и рассказывает про свое житье-бытье, даже без чувства покаяния и сожаления, вдруг становится охвачен ужасом перед тем, каким он является грешником? Он начинает каяться, исповедоваться, плакать и меняться.

Этот подвижник сказал замечательные слова:

— Когда человек ко мне приходит со своими грехами, я эти грехи воспринимаю как свои, потому что этот человек и я — едины. И те грехи, которые он совершил действием, я непременно совершил мыслью, или желанием, или поползновением. И потому я переживаю его исповедь как свою собственную. Я иду ступенька за ступенькой в глубины его мрака. Когда я дохожу до самой глубины, то связываю его душу со своей и каюсь всеми силами своей души в грехах, которые он исповедует и которые я признаю за свои. Он тогда охватывается моим покаянием и не может не каяться. Он выходит освобожденным, а я по-новому каюсь в своих грехах, потому что мы с ним едины сострадательной любовью.

*Игумен Мелхиседек (Артюхин),
настоятель храма
святых апостолов Петра и Павла в Ясенево,
подворья Оптиной пустыни*